Н. РУБАКИН

РОССИЯ В ЦИФРАХ. СТРАНА. НАРОД. СОСЛОВИЯ. КЛАССЫ.*

Цифры и жизнь
(Какими способами и откуда получаются статистические данные)

Прежде чем приступить к изложению цифровых данных, скажем несколько слов о их значении и происхождении. Не имея отчетливого представления о том и другом, нет никакой возможности понять сами цифры, а без их понимания вполне естественно относиться к ним как к чему-то бесконечно сухому и скучному.

Но эти цифры и не сухи и не скучны. Они – сама жизнь, громадная и всеобъемлющая, лишь таким способом выраженная, а главное – резюмированная, сведенная к одному; цифры эти – итог жизни, если можно так выразиться, – рассортированная пестрота ее. Чтобы получить любую статистическую цифру, необходимо было проделать громаднейшую работу, которая состоит в следующем:

Во-первых, всмотреться в жизнь и разобраться в ее бесконечной пестроте и сложности.

Во-вторых, рассортировать подмеченные в ней явления, исследовать, изучить их сходства и различия, подметить и выделить и тоже рассортировать разные стороны их, вникнуть в каждую из них в качественном отношении.

В-третьих, от качественного изучения перейти к количественному, и, не довольствуясь тем, что такое-то явление действительно существует, поставить себе такой вопрос: а насколько же распространено оно? Другими словами, часто ли оно случается, и насколько часто? На этот вопрос может дать ответ не только исследование, а и подсчет, и этот подсчет и необходимо сделать – он-то и есть статистика.

В-четвертых, дело не может ограничиться и этим. То, что подсчитано в одной какой-либо области жизни, необходимо еще оценить

---

* Н.А. Рубакин – просветитель, ученый, писатель, библиограф (1862–1946) Печатается по: Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Суринов А.Е. Сто лет спустя. М., РАГС, 2008, 308 с. Материал подготовлен доктором философских наук, профессором Д.Т. Жовтуном.

и исследовать, в свою очередь сопоставив с такими же подсчетами в других ее областях, и тоже сравнить, вдуматься, разобраться, привести в естественную связь между собою, потому что жизнь сложна и все в ней связано, слито со всем. Но и это еще не все. Необходимо, в-пятых, проверить свои выводы жизнью же – снова всмотреться в нее и вдуматься. Еще О.Конт сказал, что «знание ведет к предвидению». Знания, накопляющиеся вышеуказанным способом, ведут к нему же и, как мы увидим дальше, дают возможность кое-что предвидеть в общественной и исторической жизни, несмотря на всю ее сложность и кажущуюся случайность.

Таким образом, как видно из этой схемы, статистика исходит от изучения жизни и возвращается к ней же. Вся она – не что иное, как жизнь, выраженная цифрами, история, выраженная ими же, человечество, отпечатавшееся таким же способом. Между каждой цифрой, какой бы далекой и отвлеченной она ни казалась, с одной стороны, и личностью человеческой, мыслящей, чувствующей и страдающей, – с другой, всегда существует самая тесная и неразрывная связь. Каждая цифра говорит об этой связи – она описывает, рассказывает, обрисовывает, иллюстрирует, она убеждает, она требует своего применения настойчиво и властно, она, наконец, вопиет миллионами голосов – голосов тех людей, которые за нею иногда скрываются и страдания которых она собою резюмирует. Эту непосредственную связь цифр с жизнью особенно наглядно выразил Глеб Успенский в своих замечательных статьях о «Живых цифрах». Да, цифры – живые, нужно только понимать их жизнь и разбирать их язык. Живыми оказываются даже те цифры, которые с первого раза могут показаться даже нелепыми. Что такое, например, «четверть лошади», приходящаяся на крестьянский двор? Прочитайте рассказ Успенского под тем же заглавием, и вы увидите, что эта удивительно нелепая дробь означает собою не что иное, как человека, личность человеческую, только перегруженную непосильной работой, личность, согнувшуюся в перегиб и везущую на себе лошадиную тяжесть, – и сено, и жердь вместо телеги, и Пашутку, которую дома оставить не с кем. И что поделаешь! – восклицает автор. У этой самой личности человеческой, при нынешнем укладе жизни, «была только четвертая часть лошади, и поэтому недостающие части лошадиной силы она должна взять на себя». Эта картина, нарисованная выдающимся художником, лучше всяких рассуждений выясняет настоящий смысл сухих статистических цифр. «Огромные связки изданий Статистического

комитета, – поясняет Гл.Успенский, – сначала даже отпугивают... А между тем ведь только в этих-то толстых скучных книгах и сказана цифрами та «сущая» правда нашей жизни, о которой мы совершенно отвыкли говорить человеческим языком, и нужно только раз получить интерес к этим дробям, нулям, нуликам, к этой вообще цифровой крупе, которой усеяны статистические книги и таблицы, как все они, вся эта крупа из цифр, начнет принимать человеческие образы и облекаться в картины ежедневной жизни, то есть начнет получать значение не мертвых и скучных знаков, а, напротив, значение самого разностороннейшего изображения жизни. Какие иногда многосложнейшие вещи таятся в статистических дробях! Думаешь-думаешь над этими ноликами, делаешь разные вычисления, – и «нежданная слеза» возьмет да и все запачкает». «И цифры, которые я до сих пор игнорировал, – продолжает тот же автор, – цифры же могут мне и помочь разобраться в человеческих единицах и дробях». Читая их и вдумываясь в них, не надо лишь забывать этой самой личности. Каждая цифра говорит о массе людей, таких же личностей, как и вы сами, или об условиях жизни их, основных или мелочных, о счастье или несчастье масс, большинства или меньшинства, всех или избранных. Каждая цифра, обрисовывающая то или иное условие жизни, – своего рода рамка, в которой эта жизнь протекает, – предел, его же до сих пор не преступили. Подложите под них психологическую подкладку, и у вас у самого, быть может, волосы встанут дыбом от многих «сухих» цифр, – хотя бы, например, о смертях во время войны или холеры. «Я до сих пор еще не могу перейти к оживлению иных статистических цифр, – писал когда-то тот же Г. Успенский, – и не могу оторваться от размышления об этих крупного и мелкого размера дробях, кишащих в живой жизни кругом меня в несметном множестве. Быть дробью, потерять самое право думать о своем существовании как о чем-то напоминающем «целое», – удел всякого живого существа в строю современной купонной жизни, и вот почему такая прискорбнейшая дробь, как, например, «одна сотая матери» или «четверть лошади», выработанная всем строем этой жизни, не может не сосредоточивать внимания читателя на коренных особенностях этого строя». А ведь человек – все-таки человек и как таковой «добивается права чувствовать себя целым числом, а не дробью, жить на свете, сохраняя свою совесть и удовлетворяя полноте ее п о т р е б н о с т е й».

Нет, цифры и вообще статистические данные – не «сухая материя». Это мы сами чересчур сухи, если не умеем понимать и чувствовать их. Чуткий, отзывчивый человек не может не переживать всем своим существом этих самых цифр, потому что каждая из них скажет ему о каком-либо жизненном явлении и оживит – именно это явление – в его душе. И даже больше того – цифра не может не говорить нам еще больше, чем отдельный жизненный факт. Ведь она – *число, означающее много таких же фактов*, она самим своим существованием показывает, что их много, очень много иной раз...

Самый способ получения цифровых данных говорит нам о том же, и на общем обзоре этих способов нельзя не остановиться для того, чтобы, читая цифры, читатель мог давать себе отчет в том, какими же именно путями они собраны. Может быть, эти пути настолько совершенны и точны, что относительно себя не оставляют никаких сомнений? А может быть, они лишь очень приблизительны и даже не верны, и, в таком случае, цифры не заслуживают никакого внимания и представляют из себя не более как простые декорации, имеющие внушительный вид действительности лишь для мало сведущих людей? На все эти вопросы дает определенный ответ наука статистики, и знакомство с основами этой науки не только желательно, но и положительно необходимо для всякого мало-мальски образованного человека.

И правда, что такое статистика? Говоря вульгарно, это не что иное, как *подсчет* разных явлений – не только их качественное исследование, а подсчет общего их числа, их существований, их повторения. Подсчет, как известно, любит точность, он сам – точность, потому что она там, где есть подсчет. Мера и число – приемы всех наиболее точных наук, и чем больше применения они в них находят и чем совершеннее это применение, тем более точными они считаются. Статистический метод, т. е. метод подсчета, охватил и охватывает все новые и новые отрасли знания, начиная от астрономии и геологии, которые сопоставляют число солнечных пятен с числом землетрясений, и кончая филологией и историей литературы. «Языковедение, например, – говорит Конрад, – пользуется статистическим методом, чтобы определить влияние Гете на немецкий язык, и в этих целях, путем подсчета, показывает, что в немецком языке слова, введенные Гете, встречаются у первостепенных писателей в количестве, возрастающем с каждым десятилетием. Путем применения же статистического метода разрешает-

ся и вопрос о принадлежности или непринадлежности известного произведения данному писателю: определяется, насколько часто употребляет такой-то автор известные слова или выражения, частицы в несомненных его произведениях, затем полученный результат сопоставляется с результатом подсчета таких же частиц или оборотов в данном, спорном произведении. Антропология пользуется статистическим методом, когда путем массовых измерений черепов людей различных рас стремится выяснить расовые особенности или расовые различия». Путем подсчета букв расшифровываются письма, ключ к которым неизвестен. Тем же статистическим методом пользуется и медицина, и гигиена, и зоология, и ботаника, и метеорология, и многие другие отрасли человеческого познания. Но особенно широко применяется этот метод в науках общественных, и особенную услугу он оказывает социологии, стремящейся найти и формулировать закономерность в явлениях общественной жизни. Благодаря всеобщему и все более совершенному применению подсчета к изучению и исследованию общественной жизни и разных ее явлений, науки общественные все больше и больше приближаются к точному знанию. Все мы члены одного и того же муравейника, называемого человеческим обществом, государством, народом, племенем и т. д. Все мы связаны в большей или меньшей степени друг с другом множеством разных связей – родством, интересами, привычками, законодательством, образованием, религией, общей хозяйственной жизнью, историей и т. д., и т. д. Но что мы и где мы, и среди чего и кого живем? И какие явления совершаются в том общественном целом, частицу коего мы сами составляем? Люди считаются сотнями миллионов, а совместная жизнь бесконечно пестрит фактами. А какие из них распространены более и какие менее? Какие представляют из себя явления постоянные и какие случайные? Ответ на эти вопросы может быть дан лишь возможно точным подсчетом. Этот-то подсчет явлений социальной жизни и составляет то, что называют статистикой в собственном смысле слова. Статистика – это особая наука об обществе и о государстве («статистика» происходит от слова status, что означает «государство»). Статистика изучает не только отдельные, случайные явления и факты совместной жизни людей, главным образом, она стремится связать их, эти разрозненные явления и факты, в единое целое и показать, таким образом, их взаимные отношения и взаимную зависимость, выяснить их причины и следствия и, в конце концов, сформулировать законы, которые

управляют регулярной их сменой. Правда, общественные явления очень сложны и запутаны, и с первого взгляда иногда совершенно не заметно никакой правильности в их сосуществовании или чередовании. Статистика, сопоставляя между собой цифры из самых разнообразных областей жизни, стремится подметить и объяснить внутреннюю связь общественных явлений разных категорий, объяснить и понять их скрытые силы и препятствия, которые своим вмешательством нарушают правильность и закономерность явлений и вносят в них видимую путаницу и беспорядок. Достигает этого статистика своим собственным методом. Статистический метод является одним из наиболее надежных способов достигнуть вышенамеченной цели.

В чем же состоит самая сущность этого метода? В том, что он не только позволяет подводить итоги различных общественных явлений, исследуя их количественную сторону, но и помогает отличить случайное от постоянного, частное от общего, уклонения в сторону от средней нормы. Узнать эту норму, это среднее число, около которого как бы колеблются частные уклонения то вверх, то вниз, – это и есть цель статистического метода. Люди в каждом народе, в каждой местности бывают, например, и большого и малого роста сравнительно друг с другом. Каков же их рост средним числом для данного пола, возраста, класса и т. д.? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо измерить рост возможно большего числа людей, распределить их по возрастам, по полу и т. д. и общую сумму роста разделить на число людей. Цифра, полученная таким способом, будет означать не что иное, как средний рост людей данного народа, пола, возраста и т. д. Около этой средней величины, выше и ниже ее, и распределяются все личности данного народа. Все они, если их рост не совпадет с этой средней величиной, являются уклонением от нее, явлением непостоянным и случайным; средняя же величина всегда более постоянна. Найти ее для того или иного явления – одна из задач статистики. Средняя величина и есть вместе с тем величина типическая, наиболее характерная, которую и можно принять за мерку для оценки всяких явлений той же категории, какие нам попадутся на глаза в жизни. Средняя норма такая-то – а выше или ниже ее такое-то частное явление из той же области, попавшееся нам сегодня на глаза? Средняя урожайность в данной местности такая-то; выше или ниже ее урожай данного года? Средним числом умирает в данной местности столько-то человек такого-то возраста от такой-то болезни. В этом

году умерло от нее такое-то число: оно выше или ниже среднего? Наиболее точный ответ на такого рода вопросы может дать лишь возможно точный подсчет. Чтобы достигнуть наибольшей точности, статистика поступает так: решительно на все явления и на всех людей она смотрит как на единицы, которые можно считать, складывать, вычитать и находить их среднюю величину. И вот что при этом замечательно: средняя величина не есть нечто придуманное, искусственное, нечто не соответствующее действительности, нечто не существующее. Нет, это знак, выражающий собой именно действительность, но только в краткой форме, – это вывод из фактов жизни. И чем больше фактов вы примете во внимание, когда будете выводить из них среднюю величину, тем лучше, тем полнее и точнее выразит среднее число, из них полученное, эту самую действительность.

В самом деле, большая или меньшая близость средних величин к действительности зависит от того, какое *число фактов* взято при подсчете. Если из массы имеющихся фактов мы ограничились лишь десятком-другим случаев, то полученная таким образом средняя, разумеется, может оказаться ни с чем не сообразной. Напротив того, если мы возьмем и пересчитаем очень много фактов данного порядка, большинство их, то средняя, которая получится в результате нашего подсчета, будет обязательно близка к действительности, так как все частные уклонения, даже очень большие, от средней, при выводе средней уравновесятся: те, что выше ее, как бы погасят те, что ниже ее, и все уклонения пропадут в массе фактов, стремящихся к одному уровню. А этот уровень и есть средняя величина. Другими словами, чем шире поле нашего исследования, чем больше единичных случаев мы подвергаем нашей статистической регистрации, тем полученная средняя величина ближе к действительности, т. е. к истине. Это и есть так называемый *закон больших чисел* – основной закон статистики. Этому закону придана даже математическая формулировка, согласно которой «точность статистических наблюдений растет, как корень квадратный из числа наблюдаемых случаев», т. е. если число этих последних выражено так: 1, 4, 9, 16, 25..., то точность каждого наблюдения растет в 1,2, 3, 4, 5 ... раз. Таким образом, идеалом статистического подсчета является исчерпывающее перечисление всех, решительно всех, явлений данной отрасли общественной жизни, подлежащей нашему исследованию, и затем нахождение средней величины, средней нормы их.

И вот перед нами гигантская задача: задача произвести подсчет всем главнейшим явлениям жизни на огромном пространстве и среди миллионов людей. Жизнь многостороння, жизнь изменчива, подсчет надо вести поэтому и в пространстве и во времени. Не приходится останавливаться перед затратой огромного труда, а также и денежных средств. Надо исследовать все области социальной жизни – экономическую, политическую, духовную, как в данный момент, так и в ряде моментов, т. е. в течение истории. Надо, а главное, и возможно, подсчитать и выразить цифрами, в иных случаях с удивительной точностью, бесконечно большое число самых разнообразных сторон – территорию, население, его распределение в стране по национальностям, религиям, по возрасту, полу, число смертей, браков, рождений, выразить цифрами разные особенности государственного устройства, совершенств и несовершенств избирательных систем, многочисленность или малочисленность разных политических партий, явления жизни финансовой, подати, налоги, доходы, расходы и их распределение, денежное обращение и кредит, народное хозяйство, промышленность добывающую, обрабатывающую, пути сообщения внешние и внутренние, торговлю, распределение труда и собственности, аграрный и рабочий вопрос, союзы, товарищества, учебные заведения, грамотность, библиотеки, книгоиздательство и т. д., и т. д. Это перечисление различных социальных явлений уже говорит о пестроте жизни, и в исследование каждого из них подсчет вносит и достоверность и точность. И пусть они будут пока что даже далеки от совершенства, но, во всяком случае, они гораздо ближе к нему, чем голословные утверждения и проверки «на глаз» или «от ветра главы своея», как выражались наши древние книжники.

Подсчету доступно всякое явление, если оно не единично, где бы и когда бы оно ни повторялось или ни встречалось. Производить какой-либо подсчет можно лишь одним способом, а именно – стоя лишь лицом к лицу с данным явлением жизни непосредственно, только она – конечный источник всяких сведений как о частных, так и об общих фактах, в отличие от теорий, которые нередко создаются и в кабинете. Поэтому-то статистика и представляет из себя страшную силу, если она правильно организована. Но разные явления, разумеется, приходится подсчитывать, как и наблюдать, разными способами. Так, например, для исчисления размеров той или иной местности приходится прибегать к межевой или географической съемке, а для этого нужно исходить

или изъездить, подчас вдоль и поперек, целую страну, а то и полсвета. Исчислить население какой-либо страны или города можно лишь путем переписи, организовать которую правильно – чрезвычайно сложный и огромный труд. Для статистического изучения торгово-промышленного или какого-либо иного кредита приходится подсчитывать отчеты всякого рода банков, кредитных товариществ и т. д. Для статистического же изучения государственных и земских расходов приходится сводить к одному государственные и земские сметы и отчеты. За цифровыми данными о фактическом росте населения и о степени грамотности обращаются к отчетам о выполнении воинской повинности, где приводятся, между прочим, данные о росте и грамотности новобранцев. Для статистики урожаев пользуются теми ежегодными записями, которые ведутся в большинстве более крупных владельческих, а иногда и в крестьянских хозяйствах. Для статистики заработной платы пользуются рабочими книжками, выдаваемыми на руки рабочим, или расчетными книгами фабричных и заводских контор. Для изучения бюджета рабочих или крестьян, их прихода, расхода и потребления, чрезвычайно ценным материалом являются приходно-расходные книжки, если только удается разыскать и использовать таковые. Государственный бюджет изучается по сметам государственной отчетности, обороты банков по их отчетам. Но для большей точности нередко одни сведения дополняются и проверяются другими. Например, сведения об урожаях, полученные из хозяйственных записей, дополняются путем опроса сельских хозяев – помещиков и крестьян; практикуется и опрос фабрикантов и рабочих для собирания сведений о рабочей плате. Рождения, браки и смертные случаи среди православного населения узнаются по церковным книгам, которым придана даже особая форма, для того чтобы такие записи были возможно точнее. В таможнях тоже заведены записи, по которым подсчитываются и число, и сорта товаров, перевезенных через границу, и сумма пошлин, за них уплаченных при ввозе, и «премии» при вывозе. Число судившихся и осужденных узнается по книгам, которые обязаны вести судебные учреждения. О числе вновь выходящих изданий ведутся записи в цензурных комитетах. Из отчетов железных дорог узнается о движении пассажиров и перевозке товаров. Но целый ряд статистических сведений добывается путем специальных исследований, опросов, разъездов и т. д., для того чтобы собирать показания самого населения. Так, например, добываются сведения о числе крупного и мелкого скота и вообще

о крестьянских хозяйствах. Как известно, особенно широко и научно была поставлена такая опросная статистика в земских губерниях, которая выяснила очень многое в русской крестьянской жизни. Земские учреждения стали организовывать специальные статистические исследования почти с самого начала своего существования, так как без основательного знакомства с местными производительными силами совершенно невозможно вести правильное земское хозяйство. В первое время приглашенные земствами лица ограничивались разработкой и сводкой уже существовавших записей и материалов, прибегая, в случае надобности, к собиранию дополнительных сведений при помощи обычных административных органов – полиции и волостных правлений. Но этот способ оказался скоро недостаточным, и со второй половины 70-х гг. стал входить в общее употребление так наз. экспедиционный способ, состоящий в объезде исследуемых местностей членами особых статистических бюро, организованных земствами. Образцом для такой организации послужили статистические работы главным образом московского и черниговского земств. Земская статистика сыграла столь важную роль в изучении хозяйственного уклада русской жизни в главнейших местностях России, что познакомиться с ее способами собирания сведений не только интересно, но и необходимо. Московский тип собирания статистических данных был выработан одним из самых выдающихся русских статистиков – В.И. Орловым во второй половине 70-х гг. Его основные черты, по описанию самого Орлова, состояли в следующем: задача исследования состоит в том, чтобы получать сведения, во-первых, о каждой хозяйственной единице, входящей в состав уезда, и, во-вторых, об общих условиях жизни и деятельности населения. Для собирания сведений заранее вырабатывается особая программа, в составлении которой должны принять участие лица, прекрасно знающие условия народной жизни и основательно знакомые с приемами статистики. Составление такого рода программ – дело крайне трудное и важное, и от умения лиц, работающих над их составлением, зависит самый успех исследования. В программу вводится при этом целый ряд вопросов, причем стараются формулировать их ясно, точно и отчетливо, так чтобы лицо, отвечающее на них, могло дать или положительный, или отрицательный ответ, т. е. признать или не признать наличности такого-то признака, такого-то явления. С такими программами в руках земские статистики принимаются затем за собирание сведений посредством точного

наблюдения изучаемых фактов и через расспросы местных жителей. С этой целью статистики отправляются в экспедицию, посещают уезд за уездом, волость за волостью, деревню за деревней. При местном изучении крестьянских селений служит основой подворная перепись. При этой переписи отмечается у каждого домохозяина число и размер его построек, состав семьи с показанием числа рабочих и нерабочих ее членов мужского и женского пола, количество надельной и купленной земли, способ ее обработки, количество арендуемой земли, суммы арендной платы, число и род скота, число и размер пустующих полос, число наемных рабочих, число грамотных и учащихся мужского и женского пола, число ульев и плодовых деревьев, внеземледельческие промыслы, наконец, заключение об общем хозяйственном положении каждого двора и о причинах его упадка, если таковой был на лицо. Такая подворная перепись производится на сельском сходе, каждый домохозяин опрашивается при всех прочих. При этом производится еще исследование общих условий целого селения, посредством опроса более сведущих хозяев, причем результаты этого опроса вписываются в так наз. «поселенный бланк». Туда заносятся сведения более общего характера, например, об общем количестве земли, о распределении угодий, о посеве и урожае хлебов, о качестве почвы, о расположении надела, о роде культур, аренде земли, о ее переходах из рук в руки, о формах владения и пользования землею, о ценах на землю, о лесоводстве, о промыслах, о торговых заведениях, о пожарах, недоимках и т. д. Такому исследованию и описанию подвергается и частновладельческое и общественное хозяйство, и все собранные таким способом сведения подвергаются затем обстоятельной детальной разработке, а результаты ее печатаются в особых статистических сборниках, издаваемых земствами. Таким образом и была исследована значительная часть земской России и получен ряд ценнейших данных, которые и составили так наз. «основную статистику земств». Но и ею земства не ограничились и в качестве необходимого дополнения к ней завели статистику «текущую», цель которой констатировать факты, ежегодно меняющиеся. Впервые была заведена такая статистика при том же московском земстве в 1884 г. Главным содержанием ее служат обзоры состояния сельского хозяйства и кустарной промышленности в данном году. По примерам и программам московского земства были основаны земские статистические бюро в целом ряде губерний: Тамбовской, Рязанской, Курской, Самарской, Воронежской, Смоленской,

Орловской, Полтавской, Таврической, Екатеринославской, Бессарабской, Саратовской и Уфимской.

Но совсем иного типа земской статистики явились работы черниговских статистиков, инициатором которых явился П.П. Червинский. В то время как московские статистики ставили главной своей целью изучение общих экономических условий жизни населения, черниговские статистики сузили свою программу и выдвинули на первый план задачу практическую, – а именно стали собирать материалы для определения доходности земель, правда, тоже практикуя при этом экспедиционный способ их собирания. Свою задачу они формулировали так: «Собрать сведения такого рода, чтобы по ним можно было определить земледельческую производительность отдельных селений, местностей, уездов и, в окончательном итоге, всей губернии». По программе черниговских статистиков работали вятское и херсонское земства. Кроме того, свои типы исследования были выработаны в губерниях Тверской, Петербургской, Нижегородской, Казанской, Новгородской, Пермской и Харьковской.

До сего времени земские статистические работы представляют из себя неиссякаемый источник сведений для характеристики всевозможных сторон русской жизни. По подсчету проф. А.Ф. Фортунатова, различные хозяйственные статистические исследования предпринимались на средства земства в 28 губерниях по 258 уездам. Уже к началу нынешнего царствования были изданы результаты местной подворной переписи крестьянского хозяйства: в 171 уезде и 25 губерниях с 69.619 селениями и 3.945.000 крестьянских дворов с населением в 23.508.000 человек обоего пола. Правда, это далеко не вся Россия, но, во всяком случае, это Россия – центр, основная часть страны, и она-то и изучена наиболее основательно. Земские исследования вскрыли немало язв российской действительности, и этими исследованиями еще много лет будут пользоваться историки, говоря о второй половине XIX столетия. Как известно в 90-х гг. начались, не без влияния Центрального статистического комитета, гонения на земскую статистику, которая не вторила заверениям многих губернаторов, что в губернии «все обстоит благополучно», и земские статистические программы были урезаны. В 1902 г. после аграрных беспорядков, имевших место в некоторых уездах Полтавской и Харьковской губерний, министерство внутренних дел почему-то связало их с статистическими исследованиями и нашло нужным прекратить статистические рабо-

ты в целом ряде губерний, а по отношению к другим предоставило усмотрению губернаторов разрешение производства их.

Из предыдущего видно, каких громадных трудов требовало и требует собирание статистических данных, вплоть до разъездов по деревням включительно. Впрочем, это далеко не единственные способы получения данных. Некоторые из них получаются иным, так наз. «корреспондентским» способом, т. е. путем письменных сношений. Дело собирания сведений ведет при этом какое-либо учреждение – земское, правительственное, частное, а иногда и отдельные лица, какой-нибудь исследователь, ставящий свои собственные цели. Лицам, от которых ожидается сообщение сведений, рассылаются особые бланки (иногда открытки) с вопросами и с белыми местами для ответа. Таким способом собираются, например, сведения об урожае, о размере посевов, о ценах на рабочие руки и на продукты и т. д. Такой способ получения статистических материалов – самый простой и дешевый. Все дело сводится к выработке программы и печатанию опросных листов и разъяснений к ним, затем к рассылке их по почте и к обработке полученных таким способом сведений. По этому способу были произведены в России три исследования поземельной собственности (в 1877, 1885 и 1905 гг.). Частным землевладельцам были разосланы тогда опросные листы, касавшиеся их владений, волостным правлениям – листы, касавшиеся владений крестьянских обществ. В Западной Европе и особенно в Америке корреспондентский способ находит особенно широкое применение. При его помощи собираются сведения о заработной плате и других условиях труда, о промышленных предприятиях, о стачках, и т. д. В России в 90-х годах Центральным статистическим комитетом МВД был произведен опыт собирания сведений таким способом о ремесленном ученичестве. Получились целые горы ответов (на открытках), но они так и не подверглись разработке и до сих пор гниют, быть может, в складах комитета, если только не проданы на макулатуру.

Иногда статистические сведения собираются по так наз. способу «самосчисления». При этом способе, в отличие от корреспондентского, опросные листы не пересылаются по почте, а раздаются. Особые «счетчики», т. е. агенты статистического учреждения, собирающие сведения, вручают их прямо в руки тем лицам, от кого хотят получить сведения, те сами вписывают ответы в эти опросные листы, и через некоторое время счетчики приходят за ними и отбирают их обратно. При этом счетчик заботится о том, чтобы все

листы были получены кем следует и чтобы все, получившие их, дали возможно точные и полные ответы на все вопросы. Иногда, при безграмотности населения, самим счетчикам приходится вписывать в опросные листы ответы, даваемые им устно. Благодаря этому самосчисление дает настолько полный материал, с каким, разумеется, не могут и состязаться, в смысле полноты и точности, ответы, полученные корреспондентским способом. Таким образом, была произведена в 1897 г. первая всероссийская перепись населения. Значение переписи в деле статистического исследования страны громадно.

Она – самый капитальный и обширный прием получения сведений. «Правильные и периодические переписи, – говорит проф. А. Чупров, – представляют главную основную операцию, которой обусловливается производительность всех остальных статистических исследований. В такой стране, как Россия, где в течение целого поколения не было произведено статистического счета жителей, а правильного, точного народоисчисления и никогда не было, самые добросовестные статистические исследования теряли значительную долю своей цены, так как за отсутствием сведении о числе жителей нет величины, к которой можно было бы их приурочить. Что скажет, например, читателю даже самая точная цифра родившихся и умирающих в известный период времени, или посева и урожая, торговли и движения по железной дороге, когда неизвестно, к какому числу жителей относятся все эти сведения?» До 1897 г. в России роль переписей играли ревизии, преследовавшие главным образом финансовую цель, а для этого стремившиеся определить число душ, подлежащих подушному окладу и рекрутской повинности. В силу такого их характера из ревизии исключалась значительная доля населения – та, которая не несла вышеуказанных государственных повинностей. Дворяне, чиновники, духовенство, войско, почетные граждане и другие лица, освобожденные от подушной подати, вовсе не подлежали ревизии. Производились ревизии без успеха и, как водится, очень невежественными людьми, и, по мнению проф. Чупрова, в подсчет не попадало по меньшей мере полмиллиона даже податного населения, – ошибка огромная для того времени, когда русский народ был не так многочислен, как теперь. Совсем другое дело переписи. «Под ними, – по определению проф. Анциферова, – понимается исчерпывающее статистическое наблюдение над состоянием социальных масс в данный момент времени». Производятся разного рода переписи, напри-

мер, отдельных городов и других местностей, перепись квартир в отдельных городах, наконец, перепись всей страны. Эта последняя фактически может быть произведена лишь правительством, которое только одно может располагать и необходимыми для этого средствами, и достаточно большим числом агентов, и достаточною властью, чтобы сделать сообщения необходимых сведений обязательными. При переписи 1897 г. были собраны сведения не только о числе населения, но и о распределении его по полу, возрасту, исповеданию, национальностям и языкам, гражданскому состоянию, занятию и положению, по месту рождения и приписки. Перепись была приурочена не только к определенному месяцу, но к определенному дню, для того чтобы избежать ошибки внесения одного и того же лица по два и по три раза. Получился, таким образом, колоссальный материал, который и лежит до сих пор в основе русской статистики, хотя после переписи прошло уже более 14 лет. К сожалению, общее заведывание переписью было возложено на Центральный статистический комитет МВД с Н.А. Тройницким во главе, человеком совершенно невежественным не только в науках юридических и экономических, но и в статистике. Этот же комитет выработал и программу переписи и инструкции для счетчиков и переписчиков, к тому же чисто кабинетным, чиновничьим способом, без участия статистиков-практиков, работавших до этого времени на местах, тогда как при разнообразии местных условий в России это было необходимо. Выбор руководителей переписью, имеющий громадное значение в столь колоссальном деле, был произведен не столько по соображениям самого существа дела, сколько по чисто административным. Дело вели на местах чиновники без участия опытных земских статистиков, а во главе каждого губернского комитета стоял предводитель дворянства, знаком или не знаком он со статистикой и ее приемами – все едино. Счетчики тоже назначались администрацией и работали не столько за скудное вознаграждение, сколько ради раздаваемых им медалей. Земства были устранены от участия в переписи. Население почти совершенно не было ознакомлено с задачами переписи. При разработке статистики, как об этом рассказывает А.Н. Котельников, один из бывших редакторов Центрального статистического комитета, были допущены вопиющие промахи и даже подтасовки. Десятки тысяч счетчиков собирали сведения, тысячи разрабатывали их. Перепись стоила более 10 миллионов рублей.

Из всего предыдущего видно, какого гигантского труда и каких средств стоит собирание статистических сведений. Нетрудно понять и то, какие разносторонние знания необходимы для этого дела, какое понимание народной жизни и умение вдумываться в нее, проникать в ее глубины. Статистика предполагает сама собою знание и понимание жизни, и никакой подсчет жизненных явлений без этого невозможен; прежде чем считать, нужно же знать, что именно считать.

Но у статистики есть и темные стороны, против которых нередко раздаются сильные возражения. Да, статистика выражает жизнь; да, она черпает свои цифры из жизни, и к тому же в большом количестве исследует жизнь масс, миллионов людей, целых государств. Да, она затрачивает на это дело немало труда, сил, знаний, средств и т. д. Но каковы же результаты такой работы? Насколько точны и вообще доброкачественны получаемые сведения? А быть может, все полученные с таким трудом цифры вовсе не соответствуют действительности? Те, кто дает их, о многом и многом нередко умалчивают, опасаясь какого-нибудь подвоха с полицейской или финансовой стороны. Тот, кто собирает сведения, нередко недостаточно понимающий, образованный, тонкий человек – вместо одной графы, по своему непониманию, он может поместить сообщаемые сведения в другую. Ведь так легко, например, смешать сословия и профессии, крестьянина по происхождению с крестьянином по роду занятий; не легко отличить и веру от веры, и образованного от необразованного. Не легко определить и доход человека с его собственных слов. Далее, среди счетчиков есть и люди рассеянные, попросту сказать, путаники. Да и в разработке сведений могут легко случиться промахи.

Одна из самых интересных сторон статистических исследований заключается в том, что, несмотря на возможность целого ряда вольных и невольных ошибок и промахов, статистические данные, тем не менее, все-таки имеют громадное значение – и теоретическое и чисто практическое, и все-таки, в конечном итоге и своем общем значении, оказываются настолько близкими к действительности, что на них все же можно положиться, можно опираться, строить свои выводы, которые обыкновенно и оправдываются. На этой стороне дела, прежде чем перейти к изложению цифр, необходимо несколько остановиться.

Много ли стоят статистические подсчеты, опирающиеся на неточный материал и, главным образом, на показания чиновников или

самого населения? Ну, некоторые чиновники (таможенные, тюремные, цензурные, железнодорожные, судьи) еще могут давать точные сведения. Но само население? Может быть, и вы сами, читатель, не безгрешны по части неверных или неточных показаний или бьши свидетелями случаев, когда такие показания давались другими. Да, все это так. Чего не бывает? И тем не менее статистика стоит прочно, возможные ошибки в конечных итогах не так велики и страшны, а практически и теоретически громадное значение статистические данные, тем не менее, всецело сохраняют за собою. «Конечно, – говорит А.А. Кауфман, – статистика не дает абсолютной истины; конечно, не только в отдельных статистических записях, но и в массовых цифрах, получившихся из этих записей, всегда могут оказаться и, чаще всего, действительно бывают более или менее значительные пробелы и неточности. Но ведь человечество не располагает более совершенными способами количественного изучения массовых явлений и статистических исчислений, раз оно правильно организовано, дает хотя и не совершенно точное, но, во всяком случае, достаточно близкое к действительности числовое изображение подвергаемых массовому наблюдению общественных явлений». Погрешности при собирании статистических сведений бывают или случайные, или намеренные. Опыт показывает, что случайных бывает не так-то много, и отклоняют они общий, конечный итог то в одну, то в другую противоположную сторону и, таким способом, значительно уравновешивают друг друга. Кроме того, при проверке бланков многие лица обнаруживаются счетчиками. Далее, давая о себе сведения, многие сообщают их в круглых числах (например, вместо 68 лет называют себя 70-летними, доход свой определяют на «круг» в 700 рублей, вместо, например, 692 руб.).

Большое ли значение имеют эти ошибки? При подведении общих конечных итогов не слишком-то вредят делу и они. Дело в том, что для статистика важен только итог, иначе говоря, массовая цифра, результат общего подсчета, на основании которого и выводятся средние величины (т. е. определяется, сколько приходится «средним числом»). В массовых итогах преувеличения в разные стороны взаимно уничтожаются, и в этом случае и итог сам собою приближается к действительности. Разумеется, и здесь в этом внимательная проверка бланков и вообще статистических материалов раскрывает многие промахи и ошибки. Статистики мало-мальски опытные употребляют все усилия для проверки собранных мате-

риалов, «наводят на них критику», требуют дополнительных сведений, выясняют возникшие недоразумения письменно, а то и лично, наезжая вторично в те места, откуда пришли недостаточно точные данные. Практика выработала приемы, иногда очень остроумные, для проверки данных и в самый момент их собирания. Об этих приемах рассказывают С.М.Блеклов, ИЛ.Белоконский, А.А.Кауфман и другие выдающиеся статистики-практики в своих произведениях. «Внимательный статистик, – рассказывает А.Кауфман, – легко замечает и пропуски в бланках, возвращаемых ему обывателями, и те более или менее явные несообразности, которые часто позволяют догадываться об описке, и слишком явные округления сообщаемых цифр, и либо сам исправляет, либо побуждает обывателя исправлять сделанные ошибки и пополнять пробелы. Гораздо больше может сделать статистик при экспедиционном исследовании. В живой беседе с обывателями он легко подметит и явный пропуск, и последовательное округление, и очевидную обмолвку, – и путем двух-трех поверочных или дополнительных вопросов добьется пополнения пропуска. Очень много ему при этом поможет и сход: среди собравшихся всегда найдется кто-нибудь, кто крикнет: «Какие же тебе 25 лет, когда парнишке твоему 13!» или: «А Митюху-то запамятовал сказать», – или напомнит о пропущенной десятине ячменя, о забытом козле в конюшне и т. п. Больше хлопот с умолчаниями и искажениями намеренными, вызываемыми самыми разнообразными соображениями и побуждениями. Как, например, купец скрывает свои обороты, женщины – свой возраст, проститутки, сводни, сыщики, конокрады – свою профессию. Точности сведений мешает возложение их на полицию, которая, как известно, обывательской симпатией никогда не пользовалась. Против всех главнейших искажений и умолчаний статистическая практика тоже выработала свои приемы, и один из интересных – прием проверки одних сведений другими. Показания одних обывателей проверяются показаниями других, тоже достаточно осведомленных в данном вопросе и в укрывательстве правды либо вовсе не заинтересованных, либо иначе заинтересованных. Так, например, показания фабрикантов можно проверить показаниями рабочих и обратно. Если взять крупных сельских хозяев и мелких хозяев-крестьян, лично потребляющих значительную часть продуктов, продавцов сельскохозяйственных продуктов, то одни из этих общественных групп окажутся заинтересованными в высоких, другие в низких ценах, а потому при исследовании влияния этих цен представители каждой

из этих групп будут совершенно различным образом окрашивать свои показания. Если взять биржевых спекулянтов, солидных держателей государственных фондов, спекулирующую публику, банковых деятелей, товаровладельцев и т. п., то на интересах каждой из этих групп биржевая спекуляция будет отражаться совершенно иначе, нежели на интересах другого. Сельский ростовщик или кулак всегда старается скрыть свои барышнические операции, а эксплуатируемая им беднота, напротив, заинтересована в том, чтобы вывести их на свежую воду, землевладельцу или переарендовщику выгодно представить условия аренды в сравнительно льготном виде, мелкие арендаторы, крестьяне или чиновники будут, напротив, заинтересованы в том, чтобы выяснить, а то и преувеличить действительную тягость существующих условий найма земли и т. д. И вот внешняя проверка статистических показаний сводится прежде всего к сопоставлению и сравнению показаний представителей таких разнообразных по своим интересам групп. Наряду с этим стоит и поверка на основании показаний лиц, вовсе не заинтересованных»[1].

Из предыдущего видно, что в области статистических исследований, как и всяких других, познание истины дается не иначе как с бою, и, во всяком случае, не без малого труда. И подобно тому как к истине стремится всякая наука, так к ней же стремится и статистика, и подобно тому как другие науки вырабатывают для себя определенные методы отыскания и проверки истины, так и статистика тоже обладает своими собственными. Во всяком случае, факт остается фактом: даже при всем несовершенстве, неполноте данных по некоторым вопросам и областям общественной жизни во многих других, несомненно, уже достигнута достаточная точность и полнота. И при всех недостатках даже наименее точных данных все-таки познание общественной жизни огромного целого – народа, государства без помощи статистики уже давно стало немыслимым, и темнота наших суждений о той самой стране, где мы живем, без нее была бы еще больше. Во всяком случае, из предыдущего видно, что рядом с цифрами, которым доверять нельзя (например, тем, которые даются волостными писарями и губернаторами), существуют цифры, которым доверять можно и должно. Далее, видно, что статистика, как одна из отраслей научного знания, также располагает

[1] *Кауфман А.* Статистика. С. 138–140. (Здесь и далее примечания Н.А. Рубакина – Ред.)

целым рядом средств для отыскания истины, обнаружения лжи, для исправления и пополнения неточных или неправильных показаний. Наконец, самая суть статистики уже гарантирует ей относительную достоверность. Дело в том, что, как мы видели, статистика не заботится о явлениях немногочисленных, – ей нужны данные массовые, итоги тоже массовые, а средние и относительные величины – лишь те, которые выведены из таких данных и итогов. Да, говорит проф. Кауфман, в единичных случаях уклонения от действительности могут носить весьма резкий характер: не один крупный землевладелец, получающий с имения многотысячные доходы, так-таки и будет значиться в переписном материале помощником столоначальника или поручиком армии, – профессии, дающие, как известно, ничтожный заработок; не один крупный посевщик так и останется зарегистрированным с половинной запашкой и половинным количеством скота, не один кулак и ростовщик так и сойдет за скромного пахаря или мелкого торговца. Такого-то рода случаи и дают неосведомленным, а тем более враждебно настроенным лицам материал для отрицания статистики. Но дело не в таких единичных случаях, а в массе всех других случаев, не единичных. На вопрос о том, как отражаются на массовых итогах пробелы и ошибки статистического наблюдения и, в частности, те из них, которые вытекают из намеренного «статистического вранья», можно сказать: влияют очень мало. Возьмем, например, деревенскую хозяйственную перепись. В числе показаний, положим, о многолошадности, несомненно есть и намеренно приуменьшенные. Но много ли их может быть? Положим, в деревне 100 дворов, из них, как водится, 90 бедных и среднесостоятельных (безлошадные, одно- и двулошадные). Очевидно, таким и скрывать нечего. Положим, далее, что 10 дворов зажиточные, у которых число лошадей гораздо больше. Но и из этих 10 не все станут врать, другие и соврут, но при опросе попадутся; положим, некоторые и не попадутся, например, четверо или пятеро утаят хотя даже 20 лошадей. Таким образом, в конечном итоге выйдет, что на 100 дворов утаено 20 лошадей, т. е. на один двор по 0,2 лошади, т. е. на ничтожную величину, не имеющую никакого значения ни для научных выводов, ни для заключения практического свойства. А если подсчет будет идти не для ста дворов, а для многих сотен тысяч, то относительная величина искажений будет еще более сглаживаться. Чем меньше у нас материала, тем больше значения всякой отдельной ошибки, и обратно – чем больше его, тем более эта ошибка рас-

творяется в его общем количестве. Отсюда вывод: статистические исследования не дают, конечно, абсолютной истины, как не дают ее, впрочем, и другие методы научного исследования, но они дают, при нормальных условиях, наиболее близкое к действительности изображение явлений общественной жизни, какого только мы можем достигнуть при имеющихся в нашем распоряжении способах познания.

Итак, не будем бояться ни сухости цифр, потому что они тоже жизнь, яркая, сложная, проникнутая настроениями и эмоциями, горем, страданиями, иногда радостью. Не будем бояться и неточности, лживости цифр, потому что именно они дают нам то, чего никто другой, кроме них, дать нам не может.

Будем же благодарны им и за то, что они дают, и будем вместе с тем надеяться, что придет скоро время, когда они будут давать еще больше.